

Саша Черный. "Лебединая прохлада"

Из сборника "Солдатские сказки"

Случай был такой: погорело помещение, в котором полковая музыкальная команда была расквартирована. Вот, стало быть, пока ремонт производился, полк снял под музыкантов у купеческой вдовы Семипаловой старый дом, что на задворках за ее хоромами на солнце лупился.

Дом крепкий, просторный. Прежде в нем сам купец с семейством квартировал, а как помер, вдова с отчаянной скуки себе новые хоромы взгромоздила, а старый дом так и стоял без надобности, паутинкой-пылью замшился, – мышам раздолье.

Перевезли, значит, кавалеры свои сундучки на нестройной двуколке, костылей в стены наколотили, трубы свои поразвешивали, – живут. Воздух, конечно, затхлый, однако, как махоркой его провентилировали, – живым духом пахнуло.

С утра до вечера цельный день трубы курлычут, флейты попискивают. Потому команда помимо своей порции еще и в городском саду по вольной цене по праздникам играла. А тут еще и особый случай привалил: капельмейстер, прибалтийский судак, хоть человек вольнонаемный, однако по службе тянулся, – вальс собственного сочинения ко дню именин полковой командирши разучивал. "Лебединая прохлада" – на одних тихих нотах, потому в закрытом помещении у командира нельзя ж во все трубы реветь...

А в том дому, братцы, еще с турецкой кампании, домовик поселился, на чердаке себе место умял, стружек сосновых понатаскал – прямо перина. В новые хоромы не переехал, – старый деревянный дом куда способнее, что ж камень своими боками обсушивать... Да и домовые, они вроде кошек – к своему стародавнему месту до того привычны, что и с кожей не оторвешь.

Харч был готовый – на помойке, за банькой, завсегда либо мозговую кость, либо пирога подгорелого добудет. Дворовый барбос до этих лакомств не достигал, потому домовый еще с вечера помойку обшаривал, пока собачку с цепи не спушали.

В лунные вечера ему, красноглазому, раздолье: по пустым покоям похаживает, мутным баском рявкнет, – стекла по всем концам так и отзовутся. Либо на рундучок в прихожей ляжет, патлы свесит и давай по мышинному поцыкивать... Набежит мышей прорва, он им сладкий сухарик скормит, да на две партии и распределит: которые мыши пешком – пехота, которые на крысах верхом – кавалерия. Хлопнет пяткой о притолоку, знак подаст – пошла война. Грызутся, кувырком о пол шмякаются, а он, шершавый, и рад – по рундучку катается, сам себя лапами по пузу барабанит. Удовольствие.

Зато и мышиную свою команду уж он не выдавал, ни одного кота в дом нипочем не допустит. Чуть который мурло из-за ободранной доски покажет, чичас его домовик кочергой по усам, кот так и вскинется. Попал шар в лузу да и выскочил.

Да и на крыше ему, кудластому, лафа... Зимой белые шмели над трубой попархивают, в ставне у купеческой вдовы красное сердечко мерцает. Тишина кругом до чрезвычайности. Дальний лес в мутном молоке дремлет... Дура-ворона сбоку на крышу подсядет, слепит домовый снежок да в зад ей и пальнет, – лети, милая, не загашивайся!.. И летом неплохо: звезды, Божьи глаза, над кровельным коньком играют. Сопрет домовый из колодца бутылку пива. Пьет, ногой по жолобу стучит. Остатки дворовому псу на башку сплеснет, не смотри, обормот, на луну, не для тебя выплыла... В саду сторож у шалаша груши-опадки печет. Чуть глаза заведет, домовый свою порцию свистнет, с руки на руку перекинет и к себе на чердак. Знатно жил, что и говорить...

Особливо ж он весну обожал. Черемуха округ всей крыши кольцом цветет, миндальным мылом ноздри лоскошет. Соловьи над малинником гремят, звонкий раскат-пересвист из сада до того грустно наплывает, что не то что домовый – бревно разомлеет. Вытащит он из водосточной трубы своей работы жалейку, да как начнет соловьев подбадривать, аж прачка Агашка на дворе на белых пальчиках лебедью закружится...